

«При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои - разумен» (Притч. 10:19). Возможно, у Вилдада это было правилом. Во всяком случае, все три его речи - одна другой короче. Тем не менее он успевает полностью высказать свои взгляды.

Вилдад также придерживается традиционного мнения, что праведник страдать не должен. Его также смущает странное упорство Иова. «Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду?» (8:3). Но все же он готов допустить, что его друг из земли Уц невиновен: «И если ты чист и прав, то Он ныне же встанет над тобою и умиротворит жилище правды твоей» (8:6). Более того, Вилдад предсказывает восстановление всего, утраченного Иовом; и не только утраченного, но и сверх того: «И если вначале у тебя было мало, то впоследствии будет весьма много» (8:7).

Да, это было утешением для Иова: «Бог не отвергает непорочного и не поддерживает руки злодеев. Он еще наполнит смехом уста твои и губы твои радостным восклицанием. Ненавидящие тебя облекутся в стыд, и шатра нечестивых не станет» (8:20-22).

Но Вилдад колеблется. Он не имеет своего твердого убеждения. В первой речи он не хочет обидеть Иова, хотя и не может принять его утверждений. Вилдад находит компромисс, предположив, что согрешил не Иов, а его сыновья, за что и были наказаны (8:4). Но ведь страдает и Иов.

Вилдад силится найти новое решение дилеммы и находит его в том, что приписывает Иову грехи не поступков, а ума:

«Таковы пути всех, забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет» (8:13). Он не решается осуждать Иова в тех делах, которые он явно совершить не мог. Но такой грех, как упование на свои силу и разум, небрежение Богом, лицемерие (которое в Писаниях имеет значение скорее формального отношения к священным обязанностям, чем двуличия по отношению к людям), - это то, что Вилдад мог спокойно, не поступаясь совестью, допустить. Тем более что согрешающий так не склонен чувствовать себя грешником.

Вилдад ожидал, что Иов вскоре смирится и признает свою вину и соответственно справедливость Божьего наказания. Тогда ему открылась бы возможность обратиться в раскаянии к Богу и восстановить свое прежнее состояние. Но поскольку после первого цикла диалогов Иов продолжает настаивать на своей правоте, Вилдад теряет терпение и, обращаясь к своим друзьям, говорит: «Когда же положите вы конец таким речам? обдумайте, и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших?» (18:2, 3). Теперь он уже не пытается искать компромисс, но присоединяется к друзьям в предсказании будущего, ожидающего Иова, который упорствует в своем отступничестве от Бога. Более того, к концу своей второй краткой речи Вилдад делает вывод, что Иов - беззаконник, совершенно не знающий Бога (18:21).

Третья речь Вилдада самая короткая - всего пять стихов. Она состоит из нескольких неясных, разрозненных вопросов о Боге и повторения слов Елифаза о том, что небесные воинства нечисты в глазах Божьих, и тем более человек не может быть чист пред Ним (25:5, 6). Этими словами он попытался подвести итог всему сказанному, хотя это было явно не его мнение.

Тем временем Иов все более приближается к принятию истины о том, что существует иной дух, исходящий не от Бога, который властвует в этом мире. Потому в ответ на последние слова Вилдада Иов отвечает многозначительным вопросом: «Кому ты говорил эти слова, и чей дух исходил из тебя?» (26:4). При этом Иов еще находит в себе силы иронизировать по поводу слов Вилдада: «Как ты помог бессильному, поддержал мышцу немощного! Какой совет подал ты немудрому и как во всей полноте объяснил дело!» (26:2, 3).